

ИСТОРИОГРАФИЯ. МЕМУАРЫ / HISTORIOGRAPHY, MEMOIRS

Серия «История»
2013. № 1 (4). С. 146–154
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 378(С18)

Б. С. Санжиев: несколько юбилейных зарисовок

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена профессору Буянто Сайнцаковичу Санжиеву, лекции которого довелось слушать автору в 1970-х гг., а затем вместе работать в Иркутском госуниверситете. Материал основан на личных воспоминаниях.

Ключевые слова: историческая наука, курс лекций, научные исследования студентов, исторический факультет ИГУ.

Когда пишешь юбилейные статьи, основанные на личных воспоминаниях, вольно или невольно оказывается, что в твоём материале действуют сразу два героя – само собой, юбиляр, а также ты, автор. Эту особенность источника хорошо знают профессиональные историки, поэтому, надеюсь, простят неизбежное в данном жанре «якание». При этом надо подчеркнуть, что память наша, конечно же, избирательна: об одних современниках вспоминаешь с удовольствием, радуясь возможности как бы оказаться еще раз рядом с интересным человеком, о других – не очень... Б. С. Санжиев, безусловно, принадлежит, к первым.

Для нас, обычных студентов исторического факультета Иркутского госуниверситета второй половины 1970-х гг., Буянто Сайнцакович Санжиев был всегда далекой, таинственной и непостижимой звездой огромной величины. Первые годы учебы мы просто робели перед этим человеком. Один значок «Пятьдесят лет в КПСС» в петлице пиджака чего только стоил!

Чувством почтения студенты проникались прежде всего на лекциях Буянто Сайнцаковича. Нужно сказать, что он был, безусловно, одаренным лектором. У нас он читал историю национальных взаимоотношений. Делал это всегда ровным негромким голосом человека, абсолютно уверенного в том, что его услышат все, даже на галерке, услышат и обязательно запишут. В течение лекции Б. С. весьма редко повышал голос, выделяя тем самым важную для студентов информацию. В большей степени для этого он использовал повторы, обороты типа: «надо подчеркнуть» или «надо выделить особо». Зато часто «держал паузу» после материала, понимание которого было исключительно важным. При этом его взгляд обнимал как всю аудиторию, так и не спеша переходил от студента к студенту по всем рядам, словно лектор хотел убедить-

ся: все ли студенты прониклись значимостью его материала. Такой прием лекционного мастерства доступен далеко не каждому, даже опытному лектору, и требует, на мой взгляд, прежде всего наличия полной, стопроцентной уверенности в эксклюзивности своего материала. Лекции Б. С. было легко записывать, и, несмотря на обилие нового материала, они легко запоминались, были всегда логичны, хорошо и просто структурированы.

Нас поражало, с какой легкостью, совершенно просто и естественно произносил он длинные и трудно запоминающиеся фамилии лидеров коммунистических партий азиатских стран и Восточного отдела Коминтерна. При этом имена руководителей краевых и областных партийных организаций нашей страны, и в первую очередь, сибирского региона, Б. С. называл всегда полностью: фамилия – имя – отчество. У него были готовые, рукою написанные лекции, перед началом занятия он доставал из своего светлого кожаного портфеля ученические тетрадки, раскладывал их на кафедре, но читал только план лекции и список рекомендуемой литературы. На протяжении почти полутора часов он заглядывал в записи лишь изредка, очень точно приводя по памяти даты и место событий. Лекционное время всегда использовал полностью, при этом я не помню, чтобы материал перемежался какими-либо «лирическими отступлениями», призванными несколько переключить студента, дать ему некий отдых.

Еще Санжиева-лектора отличало какое-то глубокое чувство собственного достоинства. Этому способствовала и особая атмосфера кабинета истории КПСС. Здесь имелось специальное небольшое возвышение, на котором стояло в ряд два-три письменных стола и кафедра. Вот с этого-то «подиума» и читались лекции. Сама обстановка хорошо и со вкусом оформленного кабинета создавала у студентов соответствующий настрой почтительности и стремления к новым знаниям. Надо сказать, что Санжиев весьма строго относился к нарушителям учебной дисциплины, на его лекции никто никогда не опаздывал, и ходили все – и те, кто хотел учиться, и те, кто использовал студенческие годы на истфаке лишь для интересного времяпрепровождения.

Высокая эрудиция, вполне оправданная и необходимая строгость и принципиальность Б. С., а также мастерство лектора сказывались на экзаменах и зачетах: материал учили все, и я не помню, чтобы курс Санжиева кто-то сдавал дважды или имел плохие оценки.

Сугубо личных воспоминаний о Б. С. Санжиеве педагоге и ученом у меня немного. В студенческую пору я не был членом партии, и первые три года учебы не готовил себя ни к партийной карьере, ни к исследовательской работе по истории КПСС. Лишь после сделал выбор в пользу историко-партийной науки и здесь, пожалуй, впервые имел возможность личного общения с Буянто Сайнцаковичем.

Еще на втором курсе в составе группы из четырех человек (Т. Ворошилова, А. Хороших (Шободоева), В. Шамаев) я начал заниматься сбором массовых источников по истории участия комсомольцев и молодежи Иркутской области в сооружении «трассы века», «дороги мужества» – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Работали мы под руководством кандидата

исторических наук, доцента Маргариты Федоровны Новоженовой: сидели в библиотеках, переписывали газетные публикации, репортажи и интервью, а поздней осенью 1977 г. побывали и на Западном участке, проехали (а где и прошли пешком) еще по не сданной в эксплуатацию трассе Магистральный – Улькан туда и обратно. Кажется, в 1978 г. М. Ф. Новоженова неожиданно уехала из Иркутска, и наша группа как-то вдруг оказалась без руководителя. Однако бросать начатое дело было нельзя (да нам и не хотелось): уже заканчивался первый этап Всесоюзного конкурса студенческих работ по истории ВЛКСМ, общественным наукам и международному молодежному движению, приуроченный к очень важной дате – 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, а наше исследование по БАМу, еще в неоконченном виде, было выдвинуто факультетом и университетом на областной тур. Ситуация требовала быстрого завершения работы, и вот тогда-то группа была взята «под крыло» самим Санжиевым. Я не знаю, почему это произошло, какие невидимые нам, студентам, пружины и рычаги были приведены в действие, но факт остается фактом: завершали конкурсную работу мы уже под руководством Буянто Сайнцаковича.

Нисколько не стремясь умалить достоинств Маргариты Федоровны, должен сказать, что смена руководства благотворнейшим образом сказалась на нашем исследовании. Б. С. Санжиев нашел время встретиться со всей группой, внимательно и как-то совершенно беспристрастно выслушал нас и сходу нашел в нашем, казалось бы, таком совершенном плане, существенный изъян – полное отсутствие документов Иркутского ОК ВЛКСМ. Но как их добыть, о допуске в ПАИО для студентов, и к тому же, беспартийных, и речи быть не могло?! Но Б. С., по всей видимости, без труда решил эту проблему (да и не проблему для него вовсе, а так, какую-то задачку). И вот буквально через несколько дней мы были с почтением (!) встречены в аппарате обкома комсомола и – чудо дивное! – допущены в святая святых – к архивным материалам текущего хранения. В помещении обкомовской библиотеки нам на протяжении двух недель показывали и давали делать выписки из стенограмм пленумов и заседаний бюро Казачинско-Ленского и областного комитета ВЛКСМ, на которых рассматривались вопросы материального, социального и культурного шефства комсомола над строителями магистрали.

Надо сказать, что документы ОК ВЛКСМ существенно украсили работу: исследование стало значительно интереснее и приобрело законченный вид. Наш труд не остался незамеченным: мы уверенно выиграли областной и республиканский туры, а затем, в 1980-м, стали лауреатами Всесоюзного конкурса. Талант Санжиева-руководителя проявился именно в этом: точно «развернув» тему, добавив в нее выигрышные сюжеты, организационно поддерживав своими обширными связями, он просто заставил нас добиться успеха.

И потом, уже окончив университет и работая в том же аппарате Иркутского ОК ВЛКСМ, я неоднократно мог убедиться в талантливости научного руководства Б. С. Санжиева. Работы, которые он курировал на Всесоюзном конкурсе, всегда были интересны, нестандартны, отличались хорошей источниковой базой, здоровой конъюнктурой, а имя этого ученого обеспечивало им

неизменный успех и высокие результаты. Десятки, если не сотни студентов исторического факультета Иркутского государственного университета, участвуя в этих конкурсах, получали под пристальным вниманием Б. С. Санжиева первые профессиональные навыки сбора, систематизации, обработки и научного обобщения исторического материала, что, безусловно, самым благотворным образом сказывалось на их дальнейшей научной судьбе и карьере. В 1993 г. Всесоюзные конкурсы по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международному молодежному движению проводиться перестали – наступила другая эпоха, с ее непрерывной перестройкой и реформацией нашей высшей школы. Это время, а точнее, как кто-то сказал, безвременье, развал и унижение страны 1990-х гг., Б. С. Санжиев, по всей видимости, так и не принял, остался верен марксистско-ленинской методологии исторического познания и оценки общественных явлений.

Следующее личное воспоминание о Б. С. относится к 1985 г. и связано с событием печальным – безвременной кончиной доцента истфака Александра Лазаревича Хантуева. Мы хорошо (ну, конечно, в известной мере) знали этого прекрасного человека, так как его сын Олег учился на нашем курсе и многие из нас неоднократно бывали в их гостеприимном доме. Узнав о похоронах, я с А. В. Семеновым, ныне директором Байкальской международной бизнес-школы ИГУ, после работы приехал на квартиру к Хантуевым. Дверь была открыта, мы прошли в комнату, где за большим, составленным из нескольких, столом сидели родные, близкие и друзья. Заметно было, что руководит неспешным разговором и воспоминаниями именно Буянто Сайнцакович: он был как бы в центре этого ритуального застолья, внимательно, наклонив вперед голову, слушал, часто кивком поощрял или дополнял говорившего, уточняя и подчеркивая достоинства ушедшего.

– О! – как-то одобрительно воскликнул Санжиев и безошибочно представил нас собравшимся:

– Александр Викторович Семенов, заведующий отделом организационной работы Кировского райкома КПСС города Иркутска и Александр Александрович Иванов, заведующий отделом студенческой молодежи ОК ВЛКСМ.

Мы разместились за столом, приняли посильное участие в общем разговоре, сказали, конечно, и об А. Л. Хантуеве. И опять же Санжиев внимательно слушал, иногда одобрительно вставлял свое неизменное частое «да, да, да», а потом перед самым нашим уходом сказал мне: «Товарищ Иванов. У меня до сих пор лежит ваша коллективная работа, посвященная массовым источникам по истории комсомола на БАМе. Зайдите, как-нибудь, заберите».

Это было произнесено как-то по-особенному, и, несмотря на официального «товарища», показалось мне доверительным и личным. Но поразило не только это, а то, что Буянто Сайнцакович отлично помнил многих наших выпускников по имени – отчеству и внимательно следил за судьбой и профессиональным ростом каждого. Это качество было присуще ему всегда и в дальнейшем: при встрече он неизменно интересовался тем или иным бывшим студентом, проявляя завидную осведомленность, демонстрируя прекрасную память и неподдельную заинтересованность.

В 1991 г. Б. С. Санжиев пришел на нашу кафедру. В то тяжелое время Николай Николаевич Щербаков, всегда очень уважительно относившийся к Буянто Сайнцаковичу, каким-то чудом нашел десятую часть ставки для него и Ильи Иннокентьевича Кузнецова, приняв их научными консультантами. Отчетливо помню Б. С. в эти годы: он приходил всегда точно к началу заседаний, садился за стол, двумя руками опирался на трость, спину держал прямо, слушал внимательно, стараясь постичь навалившиеся проблемы: попытки части факультетов отказаться от предмета отечественной истории, сокращение нагрузки и заработной платы, нежелание молодых исследователей заниматься советским периодом отечественной истории. Санжиев по большей части молчал, выступал редко, но если брал слово, говорил о наболевшем: о современном государстве и обществе, о единстве наций как гаранте стабильности нашей страны и необходимости ленинского подхода к решению национального вопроса, о безынициативности теперешних коммунистов (произносил часто «коммунистов»).

В 1995 г., как-то неожиданно для многих, Б. С. Санжиев выпустил сразу две книги – «Ноехон в далеком и близком прошлом (исторический очерк)» и «Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии...». Первая книга мне памятна особо, так как я имел непосредственное отношение к ее изготовлению. Буянто Сайнцакович попросил меня сделать оригинал-макет, сказав, что хотел бы издать книгу о своих земляках, людях простого труда, достойных уважения и почета. Текст был уже набран, поэтому заверстать его не составило большой сложности, за несколько дней все было готово и отдано. Дело на этом, казалось бы, и закончилось, однако каково же было мое удивление, когда немного погодя Б. С. пришел ко мне вновь и, явно тяготясь не свойственной ему ситуацией, быстро вытащил из своего неизменного светлого портфеля бутылку настоящего «Солнцева бряга», а затем, порывшись в его глубинах, достал несколько пригоршней хороших дорогих конфет. За годы перестройки мы подзабыли, как и выглядит болгарский коньяк, поэтому отнекивался я лишь для приличия.

Но эта история на том не закончилась. На ближайшем заседании кафедры Санжиев неожиданно попросил слова и произнес весьма эффектную речь, смысл которой заключался в том, что на современном, весьма непростом, этапе развития отечественной исторической науки и учебного процесса в вузе надо больше доверять молодым кадрам, поручая им ответственные и интересные участки общего дела. Вот таким перспективным молодым ученым он и видит на нашей кафедре «товарища Иванова».

Вторая книга, жанр которой скромно определен автором как «странички воспоминаний», появилась у меня, кажется, в 1997 г. Помню, что лишь пролистал ее, не было времени, мешали какие-то дела и заботы и вновь открыл только сейчас, летом 2012 г. Поразило вступление к основному тексту. «Общественная атмосфера наполнена неуверенностью и тревогой; сегодня происходят самые тяжелые, страшные разрушения производительных сил, намного превосходящие колоссальный ущерб, нанесенный фашистской Германией; обнищание громадного большинства населения...», – пишет Б. С. Санжиев о

событиях первой половины 1990-х. Прошло почти 20 лет, а многие публицистические высказывания автора верны и ныне и современная действительность подтверждает их обоснованность.

Верна не только публицистика. Вот, например, что автор говорит в «Ноехоне» об исторической науке: «Известно, что без осмысления прошлого трудно разобраться в настоящем и ориентироваться в перспективах на будущее. История многолика и многогранна. Она учит. Светлые и темные страницы прошлого, его позитивный опыт и негативные моменты, перипетии противоборства нового со старым, драматизм и трагизм событий – все это в совокупности сопутствует прогрессивному ходу общественной жизни». Все правильно, и фраза «история многолика и многогранна» – далеко не случайна. Она здесь – ключевая, свидетельствующая о том, что многие положения традиционного марксизма-ленинизма были все-таки Буянто Сайнцаковичем под конец жизни во многом пересмотрены и переосмыслены.

Закончить свои «странички» о Санжиеве хотелось бы материалами из его личного дела, хранящегося в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области. Посмотреть личные фонды бывшего ПАИО – редкая удача для любого исследователя, они недоступны до сих пор по вполне понятным соображениям. Мне, тем не менее, повезло: удача сопутствовала в стремлении узнать больше об этом неординарном и талантливом человеке. Профессиональный интерес подогревался и тем, что Б. С., несмотря на свое умение и искреннее стремление быть в гуще политических событий, все-таки оставался для абсолютного большинства из нас человеком закрытым.

Личное дело Б. С. Санжиева хранится за № 553. Это – тоненькая папка, начатая в 1950-м и законченная в 1991 г. В деле всего лишь 30 листков пожелтевшей бумаги, вобравших в себя события трех эпох: имперской, советской и послеперестроечной, современной России. Листок учета кадров, заполненный рукой самого Б. С., стандартные характеристики советского времени с обязательным «политически грамотен, морально устойчив», выписки из решений бюро Иркутского ОК КПСС, в чью номенклатуру входили преподаватели кафедр общественных наук, копии дипломов и удостоверений. Немного: система умела удивительно обезличить и снивелировать любого, самого необычного, человека, и здесь превращая его в свой стандартный «винтик». Открывая подобные дела, всегда ловишь себя на мысли: а ведь это кто-то придумал для нас, исследователей-историков: разработал формуляр анкет, а главное, определил перечень сдаваемых в архив документов – именно этих и именно таких. О нас позаботились, нам заранее создали основной источниковый материал, по которому мы и «описываем» советскую эпоху.

В личном деле Б. С. притягивают внимание, пожалуй, два документа – автобиография и характеристика, написанная в далеком 1950 г. Настоящее дело открыли тогда, когда он работал «простым» преподавателем основ марксизма-ленинизма в Стоматологическом институте в Иркутске после перевода из Бурятии. Наверное, было непросто пережить столь резкое изменение в своей судьбе, думается, что Б. С. Санжиев, как всякий молодой и одаренный руководитель, имел здоровое самолюбие и наверняка хотел продолжать свою

партийную карьеру. С поста секретаря Бурят-Монгольского обкома КПСС оказаться на должности рядового преподавателя даже не университетской кафедры, наверное, это – серьезное испытание. Однако думается, что Б. С. с честью выдержал эти невзгоды, и тот орден Трудового Красного Знамени, который ему был обещан в аппарате обкома в Улан-Удэ, он совершенно заслуженно получил за многолетний преподавательский труд в Иркутске.

Преподавал, учился в аспирантуре, защитил две диссертации, писал статьи и книги. Но можно с уверенностью сказать, что Б. С. до конца своих дней оставался на партийной работе. Где бы он ни служил, какие бы звания не имел, он был прежде всего партийным агитатором и пропагандистом. Красно-речивое свидетельство моего утверждения – характеристика Б. С. из этого дела. Какой только общественной деятельностью не занимался в эти годы Санжиев: с декабря 1946 г. «избирался членом партбюро института», руководил «семинаром пропагандистов Кировского РК ВКП(б)», был «внештатным лектором горкома ВКП(б), преподавателем вечернего университета марксизма-ленинизма», состоял «действительным членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний среди трудящихся». И все это, а также наверняка и большая учебная нагрузка – в течение всего лишь нескольких лет!

О трудностях этого периода в жизни Санжиева свидетельствует и такая фраза в характеристике: «За период работы в институте лекции тов. Санжиева неоднократно проверялись, в смысле идейного содержания не вызывали сомнений и отвечают предъявляемым требованиям».

По всей видимости, характеристика была предназначена в вышестоящие партийные инстанции, так как следующим документом в личном деле подшита выписка из протокола № 107 заседания бюро обкома ВКП(б) от 31 января 1950 г. об утверждении кадров: «Утвердить тов. Санжиева Б. С. старшим преподавателем основ марксизма-ленинизма стоматологического института. Секретарь Иркутского обкома ВКП(б) Хворостухин».

Вторым интересным документом из личного дела, безусловно, следует считать автобиографию Буянто Сайнцаковича. Автобиография – вообще очень интересный исторический источник. В ней автор не просто пересказывает крупные события своей жизни, он вольно или невольно подводит промежуточный итог своей деятельности, сам оценивает свои поступки, как бы пишет характеристику на себя, выявляя и свое отношение к событиям, к которым он был причастен.

Вехи и даже некоторые штрихи судьбы этого человека уже описаны в нескольких прижизненных юбилейных изданиях и библиографических сборниках. А вот автобиография не публиковалась, тем интереснее она будет для читателя этой статьи (сохранена орфография оригинала).

Автобиография

Я родился в ноябре 1912 г. в Нохонском сельсовете Селенгинского района Бурят-Монгольской АССР. Родители мои занимались сельским хозяйством, имели бедняцкое хозяйство. С малых лет работал в хозяйстве отца и по найму.

С 1923 г. по 1926 г. учился в Ноехонской начальной школе. Осенью 1926 г. поступил в Селенгинскую 7-летнюю школу, которую окончил в 1930 г.

В 1926 г. вступил в ряды ВЛКСМ и с этого времени начал принимать участие в общественно-политической работе. В члены ВКП(б) вступил в августе 1930 г.

С 1930 г. по 1933 г. учился в педагогическом техникуме. После окончания техникума был взят на работу в Педтехникум зав. Монгольским отделением. Здесь работал до июля 1934 г.

В сентябре 1934 г. поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где учился по июль 1938 г. В институте работал пропагандистом, парторгом факультета и зам. председателя профкома института.

После окончания института был направлен Наркомпросом РСФСР на работу в Бурят-Монголию. По решению Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) был взят на работу в аппарат обкома, где работал с сентября 1938 г. по сентябрь 1939 г.: сначала зав. отделом печати, с упразднением этого отдела был утвержден зав. отделом школ и науки, а с упразднением данного отдела – зам. зав. отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б).

В сентябре 1939 г. обкомом партии был направлен преподавателем «Основ марксизма-ленинизма» в пединститут, где работал до окончания 1939/40 учебного года (читал лекции и вел семинарские занятия).

В январе 1940 г. решением бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) был утвержден заместителем директора научно-исследовательского института языка, литературы и истории, где работал до июля 1941 г.

В июле 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. В армии работал инструктором VII отдела Политуправления 17-й армии. В декабре 1941 г. по приказу Военного Совета Забайкальского фронта был демобилизован из армии и направлен в распоряжение Бурят-Монгольского обкома ВКП(б).

С декабря по сентябрь 1946 г. работал секретарем по пропаганде обкома ВКП(б). За это время читал лекции по истории и теории большевизма на партийных курсах и в областной партийной школе.

В сентябре 1946 г. был смещен с этой должности по решению Бурят-Монгольского обкома в связи с предъявлением мне серьезных политических обвинений в ошибках националистического характера. В связи с этим я обратился в ЦК ВКП(б) с заявлением, доказывая неправильность предъявленных мне обвинений. Все материалы по моему делу (мои отчеты, документы обкома и др.) были детально разобраны в ЦК. В результате этого мне было официально заявлено в ЦК (Управление кадров и Управление пропаганды), что вы решением ЦК освобождены от обязанностей секретаря обкома по пропаганде по недостаткам практической работы, как не обеспечивший руководство работой, а не за политические ошибки. Затем управлением кадров ЦК ВКП(б) был направлен в ноябре 1946 г. в распоряжение Иркутского обкома ВКП(б) для использования на пропагандистской работе или преподавателем по основам марксизма-ленинизма. Командировочное удостоверение от управления кадров было датировано от 19 ноября 1946 г.

В декабре 1946 г. по решению бюро Иркутского обкома ВКП(б) был направлен в Иркутский Стоматологический институт на кафедру марксизма-ленинизма, где сначала работал и.о. зав. кафедрой, затем работал преподавателем.

В декабре 1948 г. окончил заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) – сдал кандидатский минимум по основам марксизма-ленинизма. Определил тему кандидатской диссертации и над ней работаю.

*Из родственников за границей и арестованных никого нет.
г. Иркутск, 8. IX. 1949 г. Подпись.*

B. S. Sanzhiyev: Several Anniversary Sketches

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to Buyanto Sayntsakovich Sanzhiyev, Professor whose lectures were assisted by the author in the 1970s, and later the author happened to work with him together in the Irkutsk State University. The material is based on the author's personal memoirs.

Key words: historical science, course of lectures, students' scientific researches, the Department of History of the ISU.

Иванов Александр Александрович – Иванов Alexander Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and History, the Irkutsk State University, 664003, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, к. 410, тел. 8(3952)334372, e-mail: ottisk@irmail.ru